

Литературная газета 15. III. 60

ПРОБЛЕМЫ ДРАМАТУРГИИ И МАСШТАБЫ ЖИЗНИ

Сегодня в нашем обсуждении выступает Вл. ПИМЕНОВ.

ПРЕДСТАВИМ себе, что через десяток лет, когда вероятно уже наступит время космических перелетов и люди будут пользоваться ракетами как транспортом, чтобы слетать на денек за океан, а может быть даже и на другую планету. — человек, интересующийся историей, захочет узнать, а что же происходило в 1959 году. Возьмет он журналы, книги, газеты, и перед ним раскроется величественная картина строительства коммунизма. Он узнает об исторической поездке Н. С. Хрущева в Америку, о великой победе ученых, пославших ракету на Луну, о героическом подвиге Валентины Гагановой, о бригадах коммунистического труда, он прочтет об итогах всеозоной переписи населения и о первом атомном ледоколе «Ленин», о сокращении Советской Армии на 1200 тысяч человек и о юбилее Чехова, и о том, что Рязанская область стала передовой.

Но вот он, этот любознательный читатель, захочет представить в живых образах людей этого года. Он обратится к московским театральным постановкам и узнает, как всенародно чествовали Чехова в дни 100-летия со дня рождения, он прочтет о молодом Гамлете — Марцеличе в театре Маяковского, о постановке маленьких трагедий Пушкина в театре Вахтангова, он встретится с «Варабаничей», смелой разведчицей партизанкой Нилой в Центральном театре Советской Армии, он, наконец, узнает о великолепном исполнении образа Ленина Б. Смирновым в «Третьей патетической» в МХАТе. Но если он еще захочет по сценическим созданиям узнать о тех, кто свершил великие дела этого времени, то это ему будет сделать нелегко.

Покорители целины в интересном спектакле «Начало жизни» К. Финна в Московском драматическом театре поведают о том, как они преодолевают трудности первого года освоения казахстанской целины, как происходит у них проверка на крепость и чистоту характера, как возникают первые дружеские и товарищеские связи. Но к моменту появления пьесы на сцене люди жили уже пять лет, там сложился свой быт, выросли настоящие специалисты, труженики земли, новые грани характеров раскрылись у повзрослевших комсомольцев. Об этом можно узнать из очерков и статей в газетах и журналах, но нельзя узнать из спектакля.

Мир ученых — мир сложный и по своему замкнутый. Люди науки заслужили глубокую признательность трудового народа. Мы хотим найти в театре Полежаева и Кречега нашего времени. Да, на сцене мы увидим академика Дронова в спектакле «Все остается людям» С. Алешина. Но этот ученый появится в театре лишь для того, чтобы сообщить, что незаконченные его труды некому передать перед смертью. Умирая в конце спектакля, академик свою заветную папку уже в последний момент жизни решает отдать молодой ученой Румянцева, единственной надежной своей ученице.

Академик Воронихин из пьесы «Завещание» Ермолинского находится буквально в таком же положении. Он свои открытия прячет от окружающих и работает над ними в особой тайне, по секрету диктуя свои последние мысли молодому аспиранту, так как в институте не находится ученого, которому он полностью доверял бы. Оба академика — благородные люди, гуманисты, мечтатели, люди с большой душой и коммунистическим сознанием. Но в противоречие с жизненными обстоятельствами, когда огромные научные коллективы новыми открытиями поражают умы народа, на сцене театров этого сезона действуют, борются, бьются одинокие старые ученые.

На сцене Московского театра имени Пушкина мы познакомимся с молодым шахтером и красноармейцем тридцатых годов Гайдашем Алексеем, но не увидим молодых шахтеров, построивших комсомольские шахты Донбаса. Было бы, однако, ошибочным на основании всего этого делать вывод, что современная тема отсутствовала в театре 1959 года.

Из различных сводок и справок читателю и зрителю станет известно, что шли новые пьесы, выпускались премьеры, были спектакли «На нашей улице», «Второй дом от угла», «Пять вечеров», «Спать опасно», «Сердце девичье затуманилось...», «Трехминутный разговор», «Август», «Взломщики тишины», «200 000 на мелкие расходы», «Много ли человеку надо?» и много еще... Но все это как будто бы из другой жизни, которая как то параллельно существует с нынешней эпохой. Мы познакомимся с пенсионерами, переживающими драму в связи с уходом с работы, увидели девушку, не попавшую в вуз, переживающую крах своей мечты и с трудом осознающую важность работы на производстве; узнали, как не сложилась жизнь у героя и героини, хотя через много лет они и придут друг к другу, сохранив свою испепелившуюся любовь; как поссорятся, а потом помиряются муж и жена; как талантливый руководитель учреждения или стройки станет отрываться от массы и как будет идти борьба за него и т. д. Обо всем этом можно писать и писали пьесы драматурги во все периоды жизни советских людей. Но каждый период имеет свои особенности, свои возникшие у человека новые интересы, свои приметы. Этих примет во многих пьесах 1959 года мы не увидим. Правда, может быть, крупные события этого года появятся в произведениях, созданных в годах, только наступающих. Может быть! Но требование к театру, чтобы он был современен и чтобы он воссоздал образы сегодняшних героев, — не простая фраза.

Отсутствие крупных произведений о сегодняшней действительности не раз объяснялось тем, что для глубокого осознания явления необходимо время, необходима дистанция. Безусловно, материал для своих произведений писатели всегда будут черпать не только из сегодняшнего, но и из пережитого вчера. Однако главным всегда остается настоящее, сегодняшнее, если это произведение о современности.

Так кого же напомним мы, соотнесем характеры и поступки сценических героев с поступками Мамай и Гагановой, с делами тех, кто похож на них?

Новый человек нашего времени наиболее интересно и своеобразно выражен в образах героев пьес «Иркутская история» Арбузова и «Стряпуха» Софронова. Мы сознательно не останавливаемся на писателях, лишь возвращаясь к ним как к уже известному по ранее прочитанным романам. В спектаклях, осуществленных московскими театрами, образы, созданные писателями в их произведениях, оказались, несмотря на тактично-корректное отношение к первоисточнику со стороны режиссеров и артистов, несомненно на правильное идейное прочтение, менее значительны, чем можно было бы ожидать.

Есть еще две пьесы, увидевшие сцену в последнее время. Спектакли эти — «Сын века» И. Куприянова и «Трасса» И. Дворецкого — ставили известные и опытные режиссеры, главные роли были исполнены талантливыми артистами. Тем не менее постановки эти имели средний успех. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что герои обеих пьес, представленные театрами как наши близкие, сегодняшние современники, на поверку оказались лишь копиями с оригиналов прошлых лет.

В самой ситуации «Трассы» нет ничего нового. Конфликт между начальником трассы Чепраковым и главным инженером Абросимовым уже всесторонне был исчерпан во многих пьесах еще в 30-е годы и в последующее время, вплоть до наших дней. Грубый и прямолинейный начальник, человек талантливый, ломающий научные нормы, — и педантичный интеллигент, следующий установленным научным догмам. Осторожный, предусмотрительный обходящий болото и, следовательно, требующий дополнительного времени проект постройки трассы Чепраков предлагает изменить и вести трассу по болоту. Абросимов возражает, молодой ученый поддерживает Чепракова, и трасса ведется по новому проекту.

Если бы в этой довольно простой ситуации обнаружались у героев новые грани характеров и мы встретились бы с людьми, в которых проявились черты нашего современника, мы не обратили бы внимания на избитый конфликт. Но в том-то и дело, что герои «Трассы», люди вообще-то интересные, сохранили в себе неизменные черты, уже давно известные; в людях этих не открывается ничего, до селе неизвестного. А неизвестное должно открываться не только в ситуации и действии, но только в формальных признаках времени (дело происходит в 1958 или 1959 году), а в том, что героям пьесы свойствен особый, может быть, еще не проявившийся массовый интеллект. И если в характере Чепракова сказались черты прежнего выживенца, сказались отсутствие общей культуры, если интеллигентность замещается у него вдохновенным неистовством, а знания подменяются чутьем, инстинктом, — то такой герой, как бы его ни утеплять бытовыми деталями и сложностями любви, новым человеком, героем, идущим вперед, не станет. И даже любовная история между грубым Чепраковым и тонкой чувствующей интеллигенткой дочерью Абросимова, успевшей уже развестись с первым мужем, мещанином, даже эта история только повторила уже давно известную тему о любви героя революции из народа к женщине из другого круга. Но тогда это было ново и неожиданно. И было интересно, что герой-революционер оказывался куда более благородным и интеллектуальным, чем кавалеры из общества.

Спор между Чепраковым и Абросимовым идет по поводу проблем самых современных, а спорящие — люди не современные. В этом все дело.

Так «Трасса», при том, что автор успешно в общем начинает свой путь в драматургии, не открыла нового.

Куприянов назвал свою пьесу весьма ответственно — «Сын века». Уже само название настраивает к пьесе положительно. Это ведь так важно и так необходимо нарисовать образ, который был бы действительно сыном своего века, даже не периода, года, десятилетия, а века, века побед коммунизма.

Главный герой пьесы «Сын века», парторг большой стройки Большаков, написан драматургом с любовью. Это действительно образ положительного героя. Большаков воспитан, образован, внимателен к людям, честен и принципиален, он не терпит зла, борется со всем, что ему кажется несоответствующим духу советского строя. Начальник строительства Прокофьев возводит коттеджи для инженеров, а рабочих расселяет в бараках. Большаков требует, чтобы и рабочие имели нормальные бытовые условия. В лице Большакова мы видим героя безусловно положительного, без всяких недостатков.

Но чем же он отличается от людей 20—30—40-х годов? Те же самые качества были всегда свойственны положительному герою. Что же внес Куприянов нового в этот образ?

Беда в том, что самому Большакову как личности не хватает главного — нового интеллекта. И его простота, и его умение быть на уровне собеседника, и лихость, с какой он выплывает с рабочими граненый стакан водки, и обычная тяга к семейному быту, очевидно, нужны были автору для того, чтобы при огромном переполнении положительными чертами герой не был бы ханжеским, умильным, сладким. Мы знаем, что делает Большаков, следим за всеми его действиями, но, собственно, о нем самом мы так ничего и не узнаем, душа его так и осталась закрытой, забаррикадированной множеством событий и ситуаций, происходящих вовне. Глубины интеллекта, широкого мира чувств, размышлений, раздумий нет. На это у Большакова просто не хватает времени, ему некогда подумать, осмыслить, пофилософствовать.

Если мы проследим за речью Большакова, то увидим, что она вся состоит из служебных слов, а слова, которые обращены были бы к самому себе, слова-раздумья о судьбах не только тех людей, с которыми он встречается, но о судьбах человечества, к Большакову, очевидно, просто не приходят, они ему не под силу. Новый герой, которого хотелось бы узнать в действующем лице драмы, свободно рассуждает, обращаясь и к Ленину, и к Толстому, Репину, Луначарскому, Фадееву, Хачатуряну. Он говорит о том, что происходит в науке, и ему понятно, что делают Туполев и Бакулев.

Когда-то возникло слово «энциклопедист». Вот положительный герой и должен быть по-своему энциклопедистом. Революция открыла человеку все культурные завоевания человечества, но овладеть ими он еще не мог, он был еще не подготовлен. Сейчас наступает момент, когда человек может и воспользоваться культурой человечества, и сам ее обогатить. Вот такой герой, взятый из сокровищницы культуры, то, что ему необходимо, и внесший что-то новое, нам нужен. Большаков же лишь эмпирик. Он чувствует свою личную ответственность за стройку, за жизнь людей на стройке, но он не чувствует

своей ответственности за более значительное, что совершается усилиями Большаковых не только в стране, но и в мире. В характере героя из пьесы И. Куприянова нет интернационального звучания, он герой местного значения. Он однообразен и кажется не объемным, а плоским. Ему бы при всем ощущении сложности жизни прибавить и веселости, и радостной жизнелюбивости, что привнесло бы легкость и юмор. Назвав его сыном века, Куприянов не сумел увидеть главное для героя эпохи — возникновение тех черт характера и интеллекта, в которых угадываются приметы времени.

Мы уже упомянули пьесы, в которых по-разному, но сказались особенности современного общества, отразившиеся в человеке, в личности.

А. Софронов написал комедию «Стряпуха». Эта пьеса вводит нас в среду кубанских колхозников. Чем дальше мы читаем пьесу, тем больше убеждаемся в цельности, благородстве и интеллектуальности нашего крестьянина, того самого, который зачастую в произведениях о прошлом был олицетворением покорной заботности. Но, может быть, этих колхозников мы уже видели в 30—40-е годы, может быть, в них только повторены известные уже черты и характеры? Нет, образы героев «Стряпухи» озарены новым, в них угадывается радость завтрашнего дня. Когда стряпуха полевой бригады Павлина Хуторная, которая варит борщ, моет посуду, ведет все производственное хозяйство бригады, начинает говорить о жизни, о том, как она понимает ее смысл, когда она начинает читать стихи индийской поэтессы и с полной осмысленностью рассуждает о людях, живущих в разных странах, нам не только не кажется это несообразным с ее положением стряпухи, но мы только такой и представляем себе нашу героиню. Новое в этой пьесе — то отношение людей к жизни, когда казавшееся вчера изречением сегодня уже недостаточно для выросшего духовно человека. Автор с большой щедростью насытил пьесу юмором, комедийными положениями, лирическими дуэтами, острыми столкновениями, ничего в пьесе не остается не играющим, в каждой сцене есть своя взрывная сила, но иногда эта щедрость слишком обильна, слишком много поют и много шутят, слишком много столкновений, основанных на запутанности и недоразумениях. Есть переборы и в использовании диалекта. Но главное — это то, что есть в этой пьесе новый человек, новый не по положению в обществе, не по особым трудным обязанностям, а по отношению к обществу, к труду, по радостному ощущению себя хозяином жизни. Вот это главное: человек — хозяин жизни.

Хозяином жизни можно назвать Сердюка — героя пьесы Арбузова «Иркутская история», которого ребята кличут батей.

«Иркутская история» — лирическая драма, в которой раскрыта сущность жизни нашего современника. Бригада экскаваторщиков, работающих на строительстве, представляет собою маленькую ячейку строителей коммунизма.

Арбузов во главе бригады поставил старого Сердюка, прошедшего весь путь советского человека от эпохи гражданской войны до победного запуска спутника на Луну. Он — яркий представитель революционных традиций, умный воспитатель нового поколения. И особым своим отношением старшего к младшим, суровым и нежным, по-простому, по-рабочему и с тонким и интеллигентным подходом формирует он характеры своей рабочей бригады. И все люди его бригады — от сменного машиниста, мужественного и благородного Сергея до отсталого Лапченко — постепенно образуют действительно бригаду коммунистического труда. В пьесе найдено то, что не удавалось многим драматургам, — органическое соединение личного и общественного, слияние личной жизни с трудом, который стал необходимой потребностью в духовной жизни человека.

В этой пьесе есть то новое, которого так не хватало многим героям, населяющим советскую сцену, — благородства души рабочего человека, интеллекта на уровне духовного богатства нашего современника, ликвидирующего мелкобуржуазные инстинкты и пережитки. Нашего современника Сергея отличает от его предшественников коммунистическая нравственность и умение видеть в маленьком самом большем, то есть ответственность за судьбы человечества. А новые качества пьесы в целом заключаются в том, что труд человека выражен здесь не внешне, со всеми машинами, станками, грязной одеждой и замасленным лицом, не иллюстративно, когда все время герои говорят о труде, информируя зрителя о своих целях, — нет, в этой пьесе труд органически

вошел во всю физическую и духовную структуру человека, он стал неотделимым от его быта и сознания. Здесь и романтика труда, и его сложность. Машина ощущается, представляется как друг человека, и человек, знающий машину, постигший ее тонкости, возбуждает все большее уважение окружающих.

Так в пьесе решена самая значительная для сегодняшней драматургии проблема — создан образ настоящего героя в своем единстве, в своих общечеловеческих закономерностях. Без нажима, без преднамеренного учета черт положительных и черт, оставшихся от прошлого, перед нами возникает образ живого человека, который при самом высоком интеллекте может любить простую и легкомысленную девушку, угадать в ней большую душу, может ударить хулигана, обижавшего ее, может рассуждать о высоком гуманизме, о героях классических трагедий. И, может быть, говоря о современниках, о людях мужественных и нежных, драматургу стоит избегать ненужной сентиментальности, умиленного любования своими героями.

«Иркутская история» — это повесть о том, как в человеке рождается новое, коммунистическое, и это история, которая началась не сегодня, а в 1917 году, когда труд стал свободным, и эта история человека ведет в будущее, к высотам коммунистической сознательности, к коммунистическому отношению к труду.

Итак, мы найдем нашего современника в числе героев, появившихся на сцене театров в 1959 году. Он, конечно, несовершенен с масштабами жизни, живыми героями этих лет, и все же тот любознательный человек, о котором шла речь в начале статьи, сможет узнать о времени и людях из театральных постановок этого сезона.

Из многого наш читатель возьмет немного, может быть, какие-то крупницы, но по этим драгоценным крупницам он угадает живых людей, деяния которых предопределили дальнейшее поступательное движение к высотам коммунизма.

1960 г. начался в московских театрах активно. Новые пьесы Розова, Штока, Влинова, Хмелина дают основания для добрых надежд на будущее.